Колдовские Миры

Киры Измайловой

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Случай из практики

Возвращение

Караванная тропа

Цветок пустыни

Осколки бури

Кира Измайлова

Случай из практики

том 2

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И37

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Измайлова, Кира Алиевна.
И37 Случай из практики. Том 2 / Кира Измайлова. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100588-7

Судебная магия — штука тонкая и опасная. Она требует не только досконального знания магических практик, но и личного мужества. Адепту судебной магии Флоссии Нарен ни того, ни другого не занимать. Службу свою она знает. Перед трудностями очередного расследования не пасует. Угроз и незаконного колдовства не страшится.

Вот только внезапно все расследования спутываются в один туго сплетенный клубок.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100588-7

© Измайлова К.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 18
ОТВЕТЫ И ВОПРОСЫ

Полетье — самое мое любимое время года. Еще тепло, а днем даже и жарко, но нет того удушающего зноя, что наваливается на город в первые летние месяцы. Ночи становятся заметно более холодными, но все же не настолько, как осенью, а небо — высоким и поразительно звездным. Впрочем, в городе неба толком не разглядеть...

Лениво размышляя на вечную тему мудрости природы, я ехала одной из центральных улиц Заречья. Попутно я соображала, заехать ли самой в лавку или все-таки послать Риму. С одной стороны, вроде бы мне не к лицу самой покупать продукты к ужину, а с другой — если отправить за покупками Риму, то ужина я вообще не дождусь: она из самых благих побуждений отправится на рынок, где можно торговаться, а в результате надолго завязнет в городе. Тут я вспомнила, что давно собиралась заказать себе новые сапоги, и решила, что все-таки сверну на соседнюю улочку, раз уж меня занесло в эти места.

Но ни к сапожнику, ни в мясную лавку попасть мне не удалось, потому что, проезжая улицей, где разместились заведения торговцев всяким барахлом, кое они усердно выдавали за антиквариат, я вдруг заметила поразительно знакомую фигуру. Сперва я решила, будто обозналась, но тут же убедилась — зрение меня не обманывает. Упускать такой случай — а когда еще представится другой,

если вообще представится! — я не собиралась, поэтому гаркнула на всю улицу:

— Господин Гарреш!

— Госпожа Нарен? — обернулся тот, к кому я обращалась, и я с радостью удостоверилась, что это и в самом деле он. — Рад вас видеть.

— Вы даже не представляете, как я рада вас видеть! — искренне сказала я, спешиваясь и беря свою кобылу под уздцы.

— Будь я лет на двести помоложе, — усмехнулся Гарреш, — я не оставил бы эти слова без внимания, госпожа Нарен!

Я улыбнулась в ответ и пошла рядом с Гаррешем, ведя лошадь в поводу.

— Какими судьбами снова в Арастене? — спросила я.

— Я здесь регулярно бываю, — пожал плечами Гарреш. Одет он был неброско, добротно и удобно: то ли средней руки купец, то ли просто бывалый путешественник. — Покупаю что-нибудь для своей... хм-м... коллекции.

— И, я думаю, вам нелишне будет знать, что на уме у людей? — спросила я.

— Вы совершенно правы, — безмятежно ответил Гарреш. — Но это ведь не преступление, госпожа Нарен, согласитесь? Я лишь слушаю, что рассказывают люди, а рассказывают они много и охотно...

— Помилуйте, господин Гарреш, — рассмеялась я, — разве я в чем-то вас обвиняю? Напротив, эта ваша привычка пришлась как нельзя кстати. Не встреть я вас случайно, даже не представляю, как бы мне удалось вас разыскать!

— Вы хотели меня видеть, госпожа Нарен? — спросил Гарреш, скупо улыбнувшись. При виде этой улыбки любые сомнения в истинной природе Гарреша исчезали без следа — люди так улыбаться не могут. Я, к сожале-

нию, не смогу описать, что же такого особенного было в этой улыбке, но — было, поверьте мне на слово. — Зачем же?

— Я хотела поблагодарить вас за ваш подарок, — медленно сказала я, перебирая в пальцах повод. — Он пришелся как нельзя кстати в одной моей... хм... деловой поездке.

— Я рад, — коротко ответил Гарреш.

— Еще я хотела бы задать вам несколько вопросов, — продолжила я. — Если вы, конечно, согласитесь уделить мне немного времени.

— Я никуда особенно не тороплюсь, — сказал Гарреш. — Но мне кажется, госпожа Нарен, что не стоит беседовать посреди улицы, привлекая всеобщее внимание. Тем более что вас, похоже, неплохо здесь знают.

— Да, вы правы, — вздохнула я. — Тогда, может быть, отправимся ко мне?

Гарреш не отказался, и оставшийся до моего дома путь мы проделали достаточно быстро, обмениваясь лишь малозначащими замечаниями. Говорить о делах, тем более о делах подобного рода, на улице было и в самом деле несколько необдуманно.

— Так о чем же вы хотели меня спросить? — поинтересовался Гарреш, когда мы расположились в моем кабинете, а я разлила по бокалам вино. — Превосходное вино, госпожа Нарен, лучшего не сыскать и в королевских погребах!

— Оно как раз оттуда родом, — пояснила я. Его величество решил сделать мне подарок к зимнему празднику, несколько запоздалый, но жаловаться я и не подумала: дождаться от Арнелия такой милости — это дорогого стоило. — Господин Гарреш, скажите честно: вы знали, что со мной случится, и специально подарили мне ту вещицу, чем бы она ни была на самом деле?

— Если бы, госпожа Нарен, я умел заглядывать в будущее, — невесело усмехнулся Гарреш, — поверьте, очень многих несчастий удалось бы избежать.

Логично, если бы драконы в самом деле четко умели провидеть будущее, вряд ли бы Гарреш позволил своему сыну так нелепо погибнуть. Но все же...

— У меня было всего лишь предчувствие, — медленно проговорил Гарреш. — А нас, госпожа Нарен, с детства учат, что таким предчувствиям нужно доверять и слушаться их безоговорочно. Нет, я не знал, что именно с вами случится и когда, я только чувствовал, что однажды эта вещица может сослужить вам хорошую службу. Только поэтому я отдал ее вам.

— Если бы вы не послушались своего предчувствия, господин Гарреш, — с чувством сказала я, — плохо пришлось бы не мне одной.

— Вот как? — Гарреш взглянул на меня с неподдельным любопытством. — Расскажете?

— Разумеется, господин Гарреш, — вздохнула я. Признаться, я рассчитывала узнать побольше и о том древнем божестве, и о драконьих предчувствиях, и если для этого придется сперва самой поделиться впечатлениями, то я готова делать это всю ночь напролет!

— Прошу вас, без «господина», — произнес Гарреш. — Это звучит слишком... по-человечески. Тем более, Гарреш — это имя, а не фамилия.

— Хорошо, — легко согласилась я. — Тогда и вы называйте меня Флоссией.

— Договорились, — кивнул Гарреш. — Итак, Флоссия, что же с вами произошло и чем вам помог мой скромный дар?

Я начала рассказ, и чем дальше заходило мое повествование, тем более обеспокоенным делалось лицо Гарреша. Под конец, правда, он немного расслабился,

но все равно видно было, что своей историей я немало его встревожила.

— Вижу, предчувствие меня и в самом деле не обмануло, — сказал он, когда я закончила говорить. — Но такого я даже предположить не мог...

— Вот как? — Я взяла со стола свой бокал. — Гарреш, а теперь мне хотелось бы послушать вас. Что такое вы мне подарили? Что это была за тварь? Что собой представляет Лес? Если вы скажете, что ничего об этом не знаете, я вам не поверю!

— И правильно сделаете... — Гарреш поудобнее устроился в кресле и налил себе еще вина.

Меня внезапно посетила неуместная мысль: я до сих пор никогда не видела вблизи живого дракона в его естественном обличье. Может, попросить Гарреша обернуться? Нет, что за глупости, право слово! Он, возможно, не откажет, но, во-первых, дом разнесет в щепки, а во-вторых, соседей поголовно удар хватит! Пес с ними, с соседями, а вот дом жалко...

— Давайте начнем с того, что попроще, — произнес Гарреш. — Хотя ничего простого в этой истории, кажется, и нет... С нашими предчувствиями мы вроде бы разобрались, не так ли, Флоссия?

— Кажется, я поняла, — кивнула я. — Если что-то, назовем его, к примеру, внутренним голосом, кричит вам, что нужно, допустим, отдать некий артефакт знакомому магу или сделать иное в этом роде, его необходимо послушаться.

— Совершенно верно, — сказал Гарреш. — В противном случае события могут начать развиваться по худшему из возможных вариантов. Поскольку все мы в этом неоднократно убеждались, то желающих идти наперекор своим предчувствиям можно сыскать разве только среди самой зеленой молодежи.

— А что это был за камешек? — спросила я нетерпеливо.

— Камешек? — Гарреш неожиданно рассмеялся. Смех его казался еще более нечеловеческим, чем улыбка, так что даже мне стало немного не по себе, а я ведь достаточно повидала на своем веку... — Впрочем, откуда вам знать... Это, Флоссия, был не камешек. Это своего рода кокон, в котором спит некая нематериальная сущность. Когда вы швырнули его на алтарь той твари, где бушевал энергетический вихрь, кокон, естественно, разрушился, а существо проснулось. Последствия вы имели удовольствие наблюдать своими глазами.

— Весьма сомнительное удовольствие! — хмыкнула я. — И что же это за существо? Вы хотите сказать, что достаточно долгое время я таскала на шее нечто, способное остановить древнее божество?

— Это совершенно безопасно, — отмахнулся Гарреш. — Чтобы разрушить кокон, нужен неимоверной силы энергетический поток. Такой, как при пробуждении той твари — я все же не стал бы именовать ее божеством. Что касается самого существа... — Гарреш замялся, словно бы подыскивая слова. Я, как тут же выяснилось, была недалека от истины. — Мне сложно объяснить это на вашем языке, Флоссия. Некоторые наши понятия непереводимы, к моему большому сожалению.

— Вы все-таки попытайтесь, — попросила я.

— Если в двух словах, то это, как я уже сказал, неразумная бестелесная сущность, обладающая огромным разрушительным потенциалом, — подумав, произнес Гарреш. — Все, что она может сделать, освободившись от кокона, — это уничтожить того, кто первым ей подвернется. В данном случае это была пробуждающаяся древняя тварь.

— И куда потом подевалась эта... сущность? — подозрительно спросила я. — Не хотите же вы сказать,

что она теперь неуправляемо носится по тамошней округе?

— Нет, конечно, — ответил Гарреш. — Основной недостаток этого существа, — а может быть, как раз достоинство, — это, как я уже сказал, отсутствие даже зачатков разума. Оно уничтожает противника и при этом полностью истощает себя. И тут же гибнет, конечно. Так что не волнуйтесь, Лесу и его обитателям эта сущность не угрожает.

— Вы сказали — «оружие»? — насторожилась я. — Это ваше изобретение?

— Нет. — Гаррешу явно не хотелось говорить об этом, но, видимо, он решил, что начав, нужно договаривать до конца. — Это человеческая придумка.

— Я никогда о таком не слышала, — призналась я.

— Вы и не могли об этом слышать, — по-прежнему невесело ответил Гарреш. — Это было слишком давно. А подобных... коконов сохранилось всего ничего, один случайно оказался в нашей семейной сокровищнице, теперь сложно сказать, каким образом.

Я призадумалась. Оружие такой разрушительной силы — старинное человеческое изобретение? Если это однажды было сделано, а затем знание оказалось утрачено, то почему никто до сих пор не повторил этого, как случалось со многими другими боевыми приемами и заклинаниями? Неужто не додумались? Кто знает... У магов древности в арсенале имелось много такого, о чем лучше не вспоминать, если уж говорить честно. Но меня больше интересовал другой вопрос.

— Гарреш, если вы говорите, что вскрыть кокон может только невероятной силы энергетический поток, — а я ведь была там, я видела, какой именно! — то, надо думать, запечатать его можно с помощью не меньшей силы, не так ли? Но ни один из ныне действующих ма-

гов не выдаст такого импульса, если только они будут работать сообща, но и в этом случае сомневаюсь!

— Вы сами ответили на свой вопрос, Флоссия, — произнес Гарреш. — Вы сказали «из ныне действующих магов», верно?

— Ах да... — Я потерла переносицу. О том, что мы, нынешнее поколение, в подметки не годимся тем магам, что способны были, если судить по легендам, двигать горы и поворачивать реки вспять одним взглядом (и зачем это проделывать, скажите на милость?), я слышала неоднократно.

Хорошо. История обрела некоторую ясность. Из всего вышеизложенного я могла сделать только один вывод: мне невероятно повезло в том, что я, во-первых, повстречала Гарреша, а во-вторых, он отдал мне этот самый завалявшийся в его сокровищнице с незапамятных времен «кокон». В противном случае от меня осталось бы мокрое пятно на скалах, а что произошло бы с остальным миром... Боюсь, после моей кончины меня бы это уже не волновало.

— Флоссия, простите меня за эти слова, — произнес Гарреш, — но, с моей точки зрения, тот факт, что у людей не осталось чересчур сильных магов, не может не радовать.

— Я вас прекрасно понимаю, — усмехнулась я, — так что можете не извиняться.

Даже и сейчас хороший боевой маг вполне может потягаться с драконом один на один. Что же вытворяли наши предки, способные на все те воспетые в легендах подвиги (а именно: поворот рек, передвигание гор с места на место и прочие бессмысленные деяния), даже представить страшно. Удивительно, что драконы вообще ухитрились выжить в таких чудовищных условиях!

— Благодарю, Флоссия, — вздохнул Гарреш. — Но, увы, у любой монеты две стороны. Сильных магов не

осталось, и перед чем-нибудь вроде вашей твари из Леса люди совершенно беззащитны, просто потому что не понимают, с чем столкнулись и как с этим бороться.

— О да... — хмыкнула я. — А любопытно все же, куда все делось. Я слышала, это связывают с тем, что магия постепенно иссякает...

— Магия не может иссякнуть, — рассмеялся Гарреш, будто я сказала нечто невозможно смешное. — Это ведь неотъемлемая часть нашего мира. Нет, Флоссия, разговоры о том, что она иссякает, — это байки для обывателей, не более того.

— Вот как? — приподняла я бровь. Это уже было интересно! — Но если так, как объяснить тот факт, что каждое последующее поколение магов, за редким исключением, слабее предыдущего?

— А кто сказал вам, Флоссия, что это следующее поколение в самом деле слабее? — поинтересовался Гарреш. — Каким образом можно измерить способности ваших магов? И, кстати, что вы скажете о потомственных магах?

— Могу сказать лишь то, что знаю: магические способности передаются по наследству, иногда дети оказываются сильнее родителей, — ответила я. — Но ведь беда в том, что дети у магов рождаются не так уж часто. К чему вы клоните, Гарреш, скажите прямо!

Гарреш сдержанно усмехнулся. Похоже, моя нетерпеливость его забавляла.

— Я ведь уже сказал, Флоссия, — произнес он, — задайтесь вопросом: кто определяет, что молодые маги слабее своих предшественников? Кто и как?

— Но это ведь видно и так, — ответила я, нахмурившись. — Им недоступно многое из того, что делали буквально сто лет назад. Повторить некоторые вещи они не в силах, и...

— Однако вы, как я вижу, вполне способны повторить все то, что делали ваш дед и прадед, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что вы способны на большее, — прищурился Гарреш.

— Исключения только подтверждают правило, — дернула я плечом. — Ведь остальные...

— Остальные в большинстве своем — не потомственные маги, — мягко произнес Гарреш. — Вы хорошо знаете, как поставлен процесс их обучения?

— Только в общих чертах, — ответила я. — Я слышала, Коллегия ищет детей, обладающих хотя бы зачатками магических способностей, по всем странам, на которые распространяется ее влияние. Обучение... у них есть свои учебные заведения. Я там не бывала, разумеется, со мной занимался дед.

— Вам не кажется, что вы можете сами ответить на свои вопросы? — поинтересовался Гарреш. По-моему, он откровенно забавлялся.

— Вы хотите сказать... — медленно начала я. — Вы хотите сказать, что молодые маги не способны на нечто существенное потому, что их этому не учат?..

— Я бы не был столь категоричен, — поднял руку Гарреш. — Учат, разумеется... необходимому минимуму. А ведь у каждого заклинания есть столько нюансов, что дойти до них своим умом сможет только гений! Гениями же в массе своей молодые маги отнюдь не являются...

— Верно... — Я встряхнула головой, припомнив, как дед вдалбливал мне особенности использования одного замысловатого заклятия. Что-то из этого придумал еще прапрадед, прадед усовершенствовал, а дед так и вовсе нашел еще несколько оригинальных ходов...

— И, кстати, вспомните, Флоссия, давно ли среди разработок Коллегии появлялось что-то по-настоящему интересное? — добавил вдруг Гарреш.

— Я и не упомню, — с досадой ответила я. Не так давно, зимой, кажется, я думала об этом. — Редкостная ерунда у них получается, не понимаю, к чему тратить на это время! Недавно довелось мне повстречаться с одним знакомым, тот тоже жаловался: ни одного нового боевого заклинания за последние семь лет... — Я осеклась. — Гарреш! Что вы хотите этим сказать? Что Коллегия...

— Я сказал все, что хотел, — улыбнулся Гарреш. — Полагаю, вам нужно над этим поразмыслить?

— Да, пожалуй... — пробормотала я. Думать над этим следовало долго и основательно, к тому же у меня определенно не хватало фактов, а на их сбор могло потребоваться некоторое время... — Задали вы мне задачку!

— Это ваша работа — отгадывать загадки, не так ли?

— О да! — усмехнулась я. — Только загадки эти становятся все более глобальными... Хорошо, Гарреш! Я, кажется, поняла, на что вы намекаете... Надеюсь, вы не откажетесь еще раз встретиться со мной, когда у меня сложится более-менее четкая картина происходящего?

— Разумеется, — кивнул он.

— Что ж... — вздохнула я. — Вернемся тогда к той твари из Леса... Что же это все-таки было?

— Трудно сказать, — пожал плечами Гарреш. — В прежние времена в мире было много удивительных созданий, не всегда дружелюбно настроенных, правда.

— Они и по сию пору встречаются, — заметила я. — Взять вас, например, не сочтите за оскорбление.

— Ну что вы, это чистая правда, — улыбнулся Гарреш. — Но по сравнению с некоторыми тварями древних времен мы — безобиднейшие и невиннейшие существа, поверьте, Флоссия.

— Охотно верю, — передернулась я.

Гарреш задумался:

— Флоссия, скажите еще раз, как звали хозяина Замка-над-Лесом?